

**РЕМ КАЗАНДЖЯН, СМБАТ АЗНАУРЯН,
ДИАНА ГРИГОРЯН**

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ
АРМЯНСКОГО ВОПРОСА НА ПЕРЕГОВОРАХ В
БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ (1918г.)***

Вопреки распространенному мнению, будто требование об отторжении в пользу Турции территорий, занимаемых Россией с 1878г. по Сан-Стефанскому русско-турецкому и многостороннему Берлинскому договорам, было выдвинуто странами Четверного союза только на последней стадии переговоров в Брест-Литовске (1918г.), вопрос, как свидетельствуют многочисленные документы того времени, был фактически предreshен еще задолго до этого, и включение его в последний ультиматум стран Четверки от 21(8) февраля 1918г. есть всего лишь тактический прием, обусловленный соображениями постепенного наращивания требований в целях добиться подписания кабального для противоположной стороны договора.

Так, еще 29 января 1913г. германский посол в Турции - Вангенгейм в одном из своих писем заверял, что «Германия никогда не позволит России оказывать давление на Турцию. Об этом было бы наивно и думать. Для того, чтобы предоставить свободу действия кабинету Сазонова, Германия никогда не согласится принести в жертву свои интересы в Анатолии. Ни сейчас, ни в будущем мы никому не позволим положить руку на Анатолию»¹. Через полтора года, 6 августа 1914г., в доверительном письме, адресованном великому визирю Мехмеду Сеид Халим-паше, он вновь подтверждает, что «Германия не заключит никакого мира без того, чтобы османские территории, которые, возможно, были бы заняты неприятельскими войсками, были эвакуированы... Германия заставит поправить восточные границы оттоманской империи таким образом, чтобы обеспечить непосредственное соприкосновение Турции с живущим в России мусульманским населением... Германия использует все свое влияние для того, чтобы Турция получила подобающее возмещение в качестве компенсации за

свои потери»². Компенсацией должны были стать Карсская и Батумская области, Тифлис, Тавриз, Каир. При этом в письме оговаривалось, что Германия окажет свои «добрые услуги» Турции лишь в том случае, если они выйдут победителями из нынешней войны «и будут в состоянии продиктовать свою волю воюющим сторонам»³. В другой раз Вангенгейм снова подтверждает, что Германия брала на себя обязательство «не заключать мира до тех пор, пока вся территория Османской империи не будет освобождена от вражеских войск» и будет «добиваться изменения турецкой восточной границы таким образом, чтобы Турция смогла войти в прямую связь с мусульманскими элементами не только в Закавказье, но и в России»⁴.

Все это, несомненно, толкало Турцию к еще большему единению с Германией в осуществлении своих и немецких империалистических планов. Тем более, что впоследствии так же, как явствует из официальных документов кайзеровской Германии от 28 сентября 1916 и 27 ноября 1917г., она брала на себя обязательство «не подписывать ни одного соглашения» в ущерб Турции, чем открывались новые горизонты для действий младотурок на Кавказе⁵.

Помощь Турции со стороны Германии обуславливалась также боязнью последней потерять власть над отчуждаемыми территориями. По словам теоретика пангерманизма Пауля Рорбаха, такой исход был бы «концом Германии как мировой державы, исключением ее из ранга первоклассных держав», ибо «германское будущее на Востоке в Малой Азии, Сирии, Месопотамии и Палестине». С другой стороны, обладание Арменией давало России возможность господствовать над всей Малой Азией - от Персидского залива до Средиземного моря. Более опасной позиции для Германии, по словам Рорбаха, не существовало, а поскольку Турцию надо было поддерживать во что бы то ни стало, то и Армения ни в коем случае не должна была отойти к России⁶. Таким образом, с точки зрения Турции, Армения была препятствием, лежащим «на пути объединения двух половин тюркского народа», которое Турция хотела устранить «посредством прямого уничтожения и физического истребления клином врезавшегося в турецкое море армянского населе-

ния как Турции, так и Закавказья»⁷.

И хотя еще в июле 1916г., т.е. после геноцида армян в 1915г., унесшего 1,5 млн. жизней, германскому высшему руководству было известно, что «Турецкое правительство не отказалось от осуществления своей программы решения армянского вопроса путем уничтожения армянского народа ни под влиянием наших /т.е. германских - Авторы/ протестов, протестов Американского посольства и Апостольского представителя, ни перед угрозой держав Антанты, и меньше всего посчиталось с общественным мнением Запада»⁸, тем не менее именно благодаря протурецкой позиции Германии на Брест-Литовских переговорах стало возможным отторжение в пользу Турции тех территорий, которые в ходе последней русско-турецкой войны 1877-78гг. не только были захвачены Россией и присоединены к своей территории по праву войны, но и выкуплены ею у Турции, в соответствии со ст. XIX Сан-Стефанского русско-турецкого договора, за 1 млрд. 100 млн. рублей в счет погашения военного долга последней, равного 1 млрд. 410 млн. руб.⁹

Об этом же свидетельствуют документы германских архивов кануна переговоров в Брест-Литовске. Так, напр., 8 декабря 1917г., за неделю до подписания договора о перемирии, на заседании государственного министерства Пруссии, в работе которого принимали участие президент госминистерства граф фон Гертлинг, 9 министров, статс-секретарь ведомства иностранных дел действительный тайный советник фон Кюльман /будущий глава германской делегации на первых двух этапах мирных переговоров в Брест-Литовске/, представитель рейхсканцлера и др. лица, речь шла также о том, что на переговорах с Россией «для Турции речь может идти о возвращении Армении»¹⁰. Аналогичная точка зрения относительно требований, подлежащих предъявлению на переговорах в Брест-Литовске, содержится также и в директивах Людендорфа после совещания в Берлине 6-7 декабря того же года: «Очищение Россией Финляндии, Эстляндии, Лифляндии, Молдавии, Восточной Галиции и Армении»¹¹. Кроме того, предусматривалось «возложить на русских обязательства прекратить

всякую поддержку армянских и курдских банд, воюющих против турок»¹².

Все это подчинялось главной задаче — «уничтожить большевиков», как ее формулировал кайзер Вильгельм II на совещании с представителями императорского правительства и Верховного главнокомандования 13 февраля 1918г.: «Большевики должны исчезнуть», в каковых целях, «чтобы подтолкнуть петербуржцев, мы должны оказать помощь Эстляндии /.../. Тогда мы должны помочь /аналогично турки в Армении/»¹³.

В противовес этому пришедшими в России к власти большевиками был выдвинут вопрос о мире без аннексий и контрибуций, каковое требование еще до Октябрьской революции выдвигалось многими российскими партиями и отказ от которых уже раз привел Россию в апреле 1917г. к политическому кризису и отставке первого состава Временного правительства. Так что лозунг «Мир без аннексий и контрибуций» был для большевиков не только концепцией, но и своего рода формулой существования.

Поэтому одним из первых шагов Советской власти явилось принятие 26 октября (8 ноября) 1917г. II Всероссийским съездом Советов «Декрета о мире», в котором предлагалось «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире... без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций»¹⁴. При этом большевики еще - за месяц до этого выступили с разъяснением, что требование «мира без аннексий» следует понимать «не в том неправильном смысле, что все державы возвращают потерянное ими, а в том, единственно правильном смысле, что - каждая народность без единого исключения, ... получает свободу и возможность решить сама, образует ли она отдельное государство или входит в состав любого иного государства»¹⁵.

Такая постановка вопроса, как и то, что право на самоопределение должно распространяться на все угнетенные народности, «независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено»¹⁶, безусловно, отвечало

интересам армянского народа, однако для него первым непосредственным следствием Октябрьской революции 1917г. явилось чреватое большой опасностью оголение - Кавказского фронта, так как русская армия, как на Западном фронте, так и на Кавказском, восприняла Декрет о мире как окончание войны и стала повсеместно, не дожидаясь указаний, покидать передовые позиции. Действовавший независимо от российских советских властей, Закавказский комиссариат, фактически хозяин положения в крае в тот период, в свою очередь, на заседании от 19 декабря 1917г. постановил «демобилизировать, по возможности, армию», «национализировать» отдельные воинские части, вооружить националистические элементы и, наконец, создать «специальный орган для руководства борьбой с большевиками»¹⁷. Реализация этого плана окончательно развалила Кавказский фронт и привела к невероятной анархии во внутренней жизни края. Причем грузинские меньшевики и мусаватисты, как и кадеты и эсеры, яростно защищая антибольшевистские взгляды, не учитывали того, что своим отходом с фронта Кавказская армия открыла турецким частям свободный доступ не только к хозяйничанию в Западной Армении, занятой в годы первой мировой войны российской армией, но и к нашествию турок на Закавказье, поскольку, несмотря на соглашение о перемирии, турецкая сторона не намерена была сидеть «сложенные руки», и Армения, как и все Закавказье, вскоре «оказалась на пороге грозных событий»¹⁸. Вследствие этого армянские воинские соединения, которые по численности и вооружению уступали турецкой армии, оказались один на один с противником. Тем более, что грузинские воинские формирования обороняли лишь свой участок фронта, прилегающий непосредственно к турецко-грузинской границе.

Переговоры о перемирии велись с 17(30)ноября 1917г. по 2(15)декабря 1917г. и завершились подписанием в Брест-Литовске договора о перемирии между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с другой¹⁹.

Одновременно велись переговоры и на Кавказском фронте. В начале декабря 1917г. с предложением о пере-

мирии к главнокомандующему войсками Кавказского фронта генералу от инфантерии Пржевальскому по указанию Энвер-паши обратился командующий турецкой третьей армией на Кавказском фронте Мехмед Вехиб-паша. Являющийся высшим органом власти в крае, Закавказский комиссариат принял предложение и на заседании от 21 ноября (4 декабря) 1917г. постановил «пойти навстречу предложению турецкого командования и предложить ему немедленно прекратить военные действия на всем - Кавказском фронте»²⁰. 25 ноября (7 декабря) 1917г. военные действия были прекращены и начались переговоры о перемирии, в результате которых 5(18) декабря в Эрзинджане было подписано соответствующее соглашение, устанавливающее особую, выгодную для турецкой стороны демаркационную линию, хотя и с оговоркой, что в «случае... заключения общего перемирия между Российской Республикой и Центральными державами, все пункты такового становятся обязательными для Кавказского фронта»²¹. Обе стороны также обязались не возобновлять друг против друга военных действий без предупреждения о них за 14 суток²². Однако, уже 12 февраля 1918г., в период переговоров о мире в Брест-Литовске, Эрзинджанский договор был нарушен турецкой стороной, когда Мехмед Вехиб-паша, демагогически заявляя о якобы защите от «насилия армян над мусульманским населением в занятых русскими войсками турецких провинциях»²³, отдал войскам третьей армии под предлогом «необходимости и долга гуманности и цивилизации», приказ выступить за демаркационную линию²⁴, что означало возобновление военных действий.

Мирные переговоры в Брест-Литовске начались 9(22) декабря 1917г. и проходили в 3 этапа: с 9(22) по 15 (28) дек. 1917г., 27 дек. 1917г. (9января. 1918г.) по 28 января. (10февр.) 1918г. и с 1 по 3 марта 1918г. От России участвовали: на первом этапе А. А. Иоффе, Л. Б. Каменев, А. А. Биценко, М. Н. Покровский (члены делегации), Л. М. Карахан /Караханян/ (секретарь делегации), в качестве консультанта - М. П. Павлович /Вельтман/, и военных консультантов - контр-адмирал В. М. Альтфатер, генерал А. А. Самойло, капитаны В. Липский и И. Я. Цеплит; на втором этапе - тот же состав

за исключением Цеплита и с дополнением Л. Д. Троцкого и В. А. Карелина (в качестве членов делегации), консультантов по национальному вопросу К. Б. Радека, П. И. Стучки, С. Бабинского и В. С. Мицкявичус-Капсукаса²⁵; на третьем этапе - Г. Я. Сокольников, Г. И. Петровский и Г. В. Чичерин /члены делегации/, секретарь делегации - Л. М. Карахан, политический консультант - Иоффе, военные консультанты - Альфатер, Липский, генерал-от-инфантерии Данилов, проф. Андогский.

На первом же пленарном заседании мирной конференции российской стороной было предложено, «чтобы все - заседания были публичными» и «за каждой стороной оставлялось право публиковать полностью протоколы заседаний», что было отвергнуто странами Четверного союза и в первую очередь — Турцией²⁶. Более того, как явствует из телеграммы члена германской делегации фон Розенберга от 28 февраля 1918г. ведомству иностранных дел Германии, ввиду нахождения технических средств связи в Брест-Литовске в тот период в их руках, ими даже планировалось «подвергать цензуре и исключать из передачи то, что нам не подходит» в советских депешах, имея также в виду, что курьер, на случай, если его пошлют в российскую столицу, может доехать до Петрограда только за 3-4 дня, тогда как время, отведенное ультиматумом на подписание договора, не превышало 3 дней²⁷. «Темп их поездки в наших руках», - заверял при этом Розенберг, и далее — «Мы позаботимся о том, чтобы ни одно слово из них /речь идет о советских сообщениях - Авторы/ не попало в прессу четырех союзных держав»²⁸.

Все это, разумеется, ничего хорошего не сулило для России и не могло не наложить свой отпечаток как на весь переговорный процесс о мире, так и его результаты. И тем не менее на том же заседании ею были выставлены условия мира, в основу которых был положен принятый на II Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов и подтвержденный затем Всероссийским крестьянским съездом Декрет о мире. В частности, помимо прочего предусматривалось полное восстановление политической независимости всех народов, которые «во время настоящей вой-

ны были этой самостоятельности лишены», коим давалась возможность решения вопроса «о своей принадлежности к тому или иному государству или о своей государственной самостоятельности путем референдума», то же и народам, «не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны»²⁹. На это державы Четверного союза ответили - фактическим отказом, заявив, что «вопрос о принадлежности к тому или другому государству национальных групп, не имеющих политической самостоятельности... не может быть решен международно. Он в каждом случае должен быть решен самим государством вместе с его народами путем, предусмотренным данной конституцией»³⁰. И если они не лишают самостоятельности народы, потерявшие ее во время войны, то это не значит, что им следует «возвратить все их территории»³¹.

То же мы встречаем и в турецких источниках. В частности, в своей телеграмме от 26 декабря 1917 года Высокой Порте Ахмед Несими-Бей пишет: «Во время переговоров русские предлагают провести референдум в Восточной Анатолии, которую они называют Арменией. Им ответили, что в Османском государстве такой вопрос не существует, а внутренние вопросы решают согласно конституции»³².

Стремление германских империалистических кругов отторгнуть от России обширные территории (Прибалтику, Польшу, Украину, Кавказ и др.) обнаружилось в первые же дни переговоров. В общих чертах это следует из правительственного заявления, сделанного рейхсканцлером Бетман-Гольвегом еще в сентябре 1914г. в рейхстаге, согласно которому основной целью Германии в войне являлось «обеспечение [безопасности] Германской империи на Западе и на Востоке на мыслимое время. Для этого... Россия должна быть оттеснена по возможности дальше от германской границы и должно быть уничтожено ее господство над нерусскими вассальными народами»³³. Требования германских империалистов были поддержаны также участвующими в переговорах в Брест-Литовске представителями Центральной украинской рады. А глава германской делегации фон Розенберг на третьем, заключительном эта-

пе переговоров официально заявил советской стороне на пленарном заседании от 1 марта 1918г., за 2 дня до подписания договора, что «возобновившиеся военные действия (германских войск против России - Авторы) могут быть прекращены только по подписании мирного договора»³⁴. При этом любопытно отметить, что еще в первой фазе переговоров, как и в последующем, германские империалисты пытались прикрыть свои захватнические планы ссылкой на право наций на самоопределение³⁵.

В связи с этим следует отметить, что ни одна из сторон не отрицала право на самоопределение, но каждая из них трактовала его по-своему. Советская сторона, в соответствии с данным принципом, брала на себя обязательство вывести войска из Австро-Венгрии, Турции и Персии и признать право на самоопределение вплоть до отделения за Финляндией, Украиной и Арменией³⁶. Был даже принят специальный Декрет СНК о «Турецкой Армении», который гарантировал армянам поддержку их права «на свободное самоопределение вплоть до полной независимости»³⁷. Однако, после того, как Закавказский комиссариат отозвал войска с фронта, осуществление его практически было сведено к нулю и Декрет, по выражению проф. Н. Адонца, оказался своего рода «последней и жалкой подачкой нищему»³⁸. Большевики, кроме того, ранее выдвигали также вопрос о создании независимой Армянской республики, вплоть до применения в этих целях, при необходимости, даже армии³⁹.

Германия и ее союзники, в свою очередь, использовали принцип самоопределения, исходя из собственных целей. Как писал впоследствии в своих мемуарах глава германской делегации на переговорах фон Кюльман: «Я намеревался, опираясь на право народов на самоопределение, выхолостить пункт о мире без аннексий... Мой план заключался в том, чтобы впутать Троцкого в чисто академическую дискуссию о праве народов на самоопределение и его возможном практическом применении, а что же касается совершенно необходимых нам территориальных уступок, то добиться их при помощи права народов на самоопределение»⁴⁰.

Одновременно с общими вопросами, рассматриваемыми на пленарных заседаниях на переговорах в Брест-Литовске, Армянский вопрос рассматривался также и в русско-турецкой комиссии. Достоверную информацию об этом нам дает, в частности, проект турецкой делегации — «Соглашение оттоманского и русского правительств, последствием которого является мир и вечное братство». Документ являет собой образчик экспансионистских вождедений оттоманских политиков: требований перекройки русско-турецкой границы и возвращения армянских областей, входивших в состав Оттоманской империи до русско-турецкой войны 1877-1878гг. Согласно турецкому проекту, Россия должна была возвратить Турции не только занятые ею в 1916г. по праву войны Ванский, Битлисский, Эрзрумский, Трапезундский вилайеты, но и отдать, в придачу, Карс, Ардаган, Батум, Александрополь, т.е. возвратить Турции не только Западную, но также и часть Кавказской Армении. Оттоманское правительство, кроме того, требовало от России отхода ее армии с азиатских территорий Турции, демобилизации добровольческих армянских отрядов, состоящих из турецко- и русско-подданных, запрещало концентрацию в Закавказье войск численностью более одной дивизии.

Что же касается Турции, то под предлогом необходимости продолжать войну с другими своими противниками, она оставляла за собой право «оставить армию на военном положении»⁴¹. Как отмечала по этому поводу газета «Русские ведомости» в номере от 24 декабря 1917г., «Турция сохранит свою армию на военном положении и получит возможность захватить у пространной России все, что угодно Энверу и его прислужникам. Во имя свободного самоопределения народов русские должны удалить все свои военные силы из Армении и Персии, но свободно самоопределившиеся армянские отряды должны быть немедленно расформированы для того, чтобы все уцелевшее от войны армянское население Турецкой Армении было отдано на беспрепятственное обеспечение и избиение своим прежним господам — насильникам». И далее: «Это не бред сумасшедшего, это - официальный документ, врученный т.

Иоффе (председателю российской мирной делегации - Авторы) и т. Петровскому (народному комиссару по внутренним делам, члену делегации - Авторы), и крайне трудно предположить, чтобы турки действовали здесь без ведома немцев. По всей вероятности, Кюльман и Чернин (министр иностранных дел Австро-Венгрии - Авторы) пообещали побитым туркам помощь»⁴².

Все это не могло, в конечном счете, не отразиться на ходе переговоров в Брест-Литовске, о чем, в частности, сообщал немецкий генерал Сект в начале декабря 1917г. в телеграмме из Константинополя министерству иностранных дел и Верховному командованию Германии: «Энвер-паша поручил мне от имени ведомства иностранных дел Турции сообщить вашему сиятельству следующее: Турция поручила своим представителям в Бресте во время мирных переговоров выдвинуть следующие требования: 1. Возврат переданных в свое время России в качестве залога за возмещение военных убытков областей (Карс, Ардаган, Батум). 2. Признание независимого Кавказского государства. 3. Отказ от всякого вмешательства во внутренние дела. Россия в соответствии с принципами права наций на самоопределение народов, объявленного ее нынешним правительством, должна признать это право и за мусульманскими народами империи. При этом имеются в виду и Казань, Оренбург, Туркестан, Бухара. Просьба к Вашему сиятельству поддержать эти турецкие желания на мирных переговорах»⁴³.

Требования Турции играли для Германии второстепенную роль, однако удовлетворение желания союзника было для последней одним из условий союза между ними. Причем одновременно оказывалось давление и на Россию: Германии, в числе прочего, было выгодно, чтобы Россия в любом случае и при любых обстоятельствах заключила навязанный ей мир. Поэтому германские политики считали, что необходимо «использовать эту ситуацию» — нужно только «действовать осторожно» и медленно, но верно «натягивать возжи»⁴⁴. В телеграмме от 26 декабря 1917г. на имя рейхсканцлера Гертлинга генерал-фельдмаршал фон Гиндербург даже позволил себе цинично заявить: «Наше военное поло-

жение не вынуждает нас к неотложному заключению мира с Россией, не нам, а России нужен мир»⁴⁵.

В этих неравных и тяжелейших для России условиях ведения переговоров в Брест-Литовске, советская сторона, будучи не в состоянии продолжать военные действия, была вынуждена предложить объявить 10-дневный перерыв в переговорах, имея целью приобщить к переговорному процессу Союзных держав. Однако западные державы предпочли быть сторонним наблюдателем в этом позорном судилище, отдав Россию на растерзание Четверного союза, что еще больше развязало руки Германии и ее сателлитам. В частности, после этого Германия решила в дальнейшем «В отношении этих господ /имеется в виду российская делегация — Авторы/ держаться очень твердой позиции и с самого начала дать им понять; что отступление нашей /т.е. немецкой — Авторы/ стороны от сделанных нами контрпредложений... исключено», равно как, что «если... предполагаемое новое наступление [Германии]... приведет к ожидаемому полному успеху,... мы будем в состоянии поставить такие условия для подлежащего заключению с западными державами мирного договора, которые требуются для обеспечения... наших экономических интересов и нашего международного положения после войны»⁴⁶.

Среди прочих факторов, послуживших причиной ухудшения условий Брестского договора, возможно, явилась также кажущаяся близость победы мировой революции, на которую в тот период делали ставку некоторые советские руководители. В частности, 10 февраля 1918 года, на втором этапе переговоров, Л. Троцкий заявил о выходе из войны без подписания договора (кстати, он довольно-таки странно объяснял впоследствии смысл этого лозунга: «Мы своей тактикой прежде всего стремимся раскрыть глаза германскому пролетариату»⁴⁷). Заявление Троцкого было расценено Германией как отказ от перемирия⁴⁸, представленный проект договора аннулирован, а глава германской делегации фон Кюльман заявил, что в таком случае наступает состояние войны, так как «военные действия прекращены на основании существующего еще договора о перемирии», в силу чего «при отпадании этого договора воен-

ные действия» должны будут возобновиться «автоматически»: «возобновление военных операций находится полностью в рамках прав, вытекающих для нас из международно-правовых норм»⁴⁹. 17 февраля генерал Самойло сообщил в Ставку о получении от генерала Гофмана заявления об окончании 18 февраля в 12 часов срока перемирия и начале военных действий⁵⁰.

Как следует из внесенной в Рейхстаг Объяснительной записки германского правительства по поводу Брестского договора, целью Германии после возобновления ею наступления на Россию было «подписать лишь такой мир, который предоставлял бы ему /правительству Германии — Авторы/ свободу для насильственного подавления политических противников в окраинных государствах русской территории» и «убедить Русское правительство в ошибочности его политического расчета и в бесполезности сопротивления», дабы «Русское правительство увидело себя вынужденным принять ультиматум, поставленный ему Германией 22 февраля и резюмировавший отказ от требования Четверного Союза по отношению к России»⁵¹. Этот шаг стоил России ухудшения условий договора и предъявления его уже в форме ультиматума. Как отмечал проф. Б. Э. Нольде, подписав договор, «мы фактически почти навязали центральным державам те суровые условия, в которые они нас поставили»⁵². Однако Троцкий тогда думал, что Россия, какие бы уступки ни были сделаны ею, будет «держатъ весь мир в напряжении» и что «история все поправит»⁵³.

Популистский демарш Троцкого окончательно развязал руки ведущим с Россией переговоры странами Четверного союза для осуществления их давно задуманных империалистических планов. Уже 13 февраля 1918г., т.е. на третий день по прекращении второго этапа переговоров в Брест-Литовске, когда, по свидетельству главы германской делегации Кюльмана, был «не ясен еще вопрос, сохраняется перемирие или нет»⁵⁴, на совещании у кайзера Вильгельма II с представителями имперского правительства и Верховного главнокомандования выдвигалась задача «уничтожить большевиков», причем «как можно скорее

разбить» их⁵⁵. При этом кайзер отмечал, что они помогут «туркам в Армении», если те обратятся в этих целях к Германии⁵⁶.

Расценив отказ Троцкого от подписания мира как «отказ также и от продолжения перемирия»⁵⁷, и возобновив 18 февраля военные действия на территории России, Германия 21 февраля предъявила ей новые, более жесткие условия мира (были получены в Петрограде утром 23 февраля), подлежащие принятию советской стороной в течение 48 часов, с последующим «немедленным» выездом в Брест-Литовск российских уполномоченных и подписанием ими в течение 3 дней нового проекта мирного договора стран Четверного союза, равно как его ратификации в течение 2 недель. Согласно п.5 ультиматума, Россия должна была «всеми имеющимися в ее распоряжении средствами... способствовать наискорейшему и планомерному возвращению Турции ее анатолийских провинций и признать отмену турецких капитуляций»⁵⁸. Спустя несколько дней представитель Германии на переговорах фон Розенберг выступил на пленарном заседании с разъяснениями, что «мы в пункте 5-ом говорили не о турецких областях, занятых в течение войны (т.е. территории Западной, т.н. «Турецкой» Армении - Авторы), но именно о восточно-анатолийских провинциях», т.е. округах Ардагана, Карса и Батума, которые Турция «уступила в 1878 году России», «не имея возможности выплатить большой контрибуции»⁵⁹.

Россия в те дни пребывала в состоянии крайней экономической разрухи, международной изоляции, поддерживаемой Западом внутренней политической неустойчивости и разгула реакции, кануна гражданской войны, делавших ее абсолютно неспособной оказать сопротивление внешним силам. «Тяжкие, можно сказать зверские условия мира...», - сообщал И. В. Сталин 24 февраля 1918г. советским ответчикам на Украине В. П. Затонскому и В. Х. Ауссему.- Одновременно немецкие отряды наступают на Ревель и Псков, угрожая Петрограду, а наши войска окончательно отказываются от сопротивления. /.../. Настоящее положение в связи с наступлением немцев и бегством наших войск мы оцениваем так: свергнув своих империа-

листов, мы благодаря медленному темпу революционного движения на Западе, абсолютной неустойчивости наших войск и неслыханному хищничеству немецких империалистов, мы попали временно в лапы чужеземного империализма, против которого мы должны теперь же готовить силы для организации отечественной войны. Для такой подготовки необходима минимальная передышка, которую мог бы дать даже зверский мир. ...Мы временно попали в плен немецкому империализму»⁶⁰.

С учетом всех этих факторов Совет Народных Комиссаров 24 февраля 1918г., на основании решения ЦИК от того же числа, постановил принять последние условия немцев и выслать в Брест-Литовск делегацию для безотлагательного подписания предложенного немцами мирного договора. Как явствует из телеграммы фон Розенберга ведомству иностранных дел Германии, российская делегация прибыла в место назначения в полдень 28 февраля. Но тут ее подстерегала еще одна неприятная новость: воспользовавшись беспомощностью России, немцы вновь (в который уже раз!) изменили свои условия мирного договора в сторону их ужесточения для России. На сей раз, в частности, в проект договора была введена специальная статья о территориях, переданных России в 1878г. в счет погашения военного долга Турции: «Округа Ардагана, Карса и Батума,- гласила ст. IV Договора,- также незамедлительно очищаются от русских войск. Россия не будет вмешиваться в новую организацию государственно-правовых отношений этих округов, а предоставит населению этих округов установить новый строй в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией»⁶¹. В той же статье, абзацем выше, кроме того, говорилось, что «Россия сделает все от нее зависящее, чтобы обеспечить скорейшее очищение провинций Восточной Анатолии и их упорядоченное возвращение Турции».

Таким образом, под натиском немецкого оружия Турция, в частности, возвращала себе не только занятые Россией по праву войны территории Западной (т.н. «Турецкой») Армении, но и ту часть Восточной (т.н. «Русской», или «Кавказской») Армении, которая была передана Рос-

сии в счет покрытия турецкого военного долга и была оставлена в силе на международном Берлинском конгрессе 1878г. Более того, статья IX навязанного России Брест-Литовского договора гласила, что «договаривающиеся стороны взаимно отказываются от возмещения своих военных расходов»⁶², чем фактически аннулировался и прежний турецкий долг России.

Кроме того, п.5 ст. I подписанного в тот же день в Брест-Литовске Русско-Турецкого Дополнительного договора к Мирному договору обязывал Россию «демобилизовать и распустить армянские четы /армянские добровольческие дружины - Авторы/, состоящие из турецких и русских подданных, которые находятся как в России, так и в оккупированных турецких провинциях, и окончательно уволить названные четы»⁶³.

При этом остались без ответа заявления советской делегации о недопустимости решения «судеб живых народов, поляков, литовцев, латышей, эстонцев, армян и др.» «за их спиной» и что договор должен быть «без насилий над поляками, литовцами, латышами, эстонцами, армянами и др. народами»⁶⁴.

Уже в первый же день возвращения в Брест-Литовск российской делегации главой германской стороны было заявлено, что «какая-либо дискуссия по принятому уже ультиматуму исключена». «Далее я заявил,- продолжает Розенберг в телеграмме ведомству иностранных дел Германии от 28 февраля 1918г.,- что ... возобновленные уже военные действия могут быть прекращены лишь с момента наступления мира. На дальнейшее замечание в заявлении Сокольникова /главы российской делегации на третьем этапе переговоров - Авторы/ о том, что по сравнению с предыдущими условиями наш ультиматум содержит более резкие условия, было сказано, что это вполне естественно. /.../ Новое предложение должно отвечать новым условиям»⁶⁵. В телеграмме Розенберга также отмечается, что «использовалась каждая возможность, чтобы показать русским, что при всех обстоятельствах договор должен быть подписан в течение 3-х суток и что в противном случае переговоры следует считать сорванными и их нужно

будет прервать»⁶⁶.

1 марта того же года на пленарном заседании и совещании представителей делегаций фон Розенберг вновь официально заявил, что «возобновившиеся военные действия могут быть прекращены только по подписании мирного договора» и что «условия, да и наши требования изменились», а поэтому-де «требования увеличились»⁶⁷.

В этих условиях для российской делегации ничего иного не оставалось, как только безоговорочно подписать этот грабительский договор, отторгающий от России в общей сложности около 1 млн. кв. км. Как отмечал Л. М. Карахан в телеграмме на имя В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого от 2 марта 1918г., «обсуждение условий мира совершенно бесполезно, ибо они ухудшились сравнительно с ультиматумом 21 февраля и носят ультимативный характер. Ввиду этого и вследствие отказа немцев прекратить до подписания договора военные действия, мы решили подписать договор, не входя в его обсуждение... Самым серьезным ухудшением по сравнению с ультиматумом 21 февраля является отторжение от России округов Ардагана, Карса и Батума под видом самоопределения»⁶⁸.

Касаясь подписания договора, глава российской делегации Г. Я. Сокольников впоследствии писал: «Полную невозможность для нас оказать какое-либо сопротивление одинаково понимали как мы, так и наши враги», т.е. страны Четверного союза, и далее — «Еще в Петрограде, на заседании Центрального Комитета Коммунистической партии была рассмотрена такая ситуация, в которой какое бы то ни было обсуждение условий мира, предложенных немцами, будет бесплодным и нецелесообразным. Однако делегация не была связана определенными директивами. Уже в Бресте, после того как выяснилось, что наступление не останавливается, несмотря на начало мирных переговоров /имеется в виду их третий этап — Авторы/, и что немцы поддерживают ограничение переговоров трехдневным сроком, делегация единогласно постановила отказаться от каких бы то ни было попыток смягчения, внесения поправок в немецкие условия. Совершенно явно и бесспорно было, что ничего существенного добиться нельзя,

что торжествующие победители, может быть, уступят, может быть, даже захотят уступить в каком-нибудь пустяке для того, чтобы скрасить неприкрытое безобразие империалистического насилия», но не более⁶⁹. Кстати, еще во время второго этапа переговоров в Брест-Литовске, по свидетельству А. А. Иоффе, «мы оба с Троцким чувствовали, что больше тянуть нельзя и надо кончать в ту или иную сторону»⁷⁰.

Тем не менее при подписании Договора глава российской делегации выступил с Декларацией, в которой констатировалось, что «так называемый «мир соглашения» в действительности является миром определенно аннексионистским и империалистическим», который «продиктован с оружием в руках», и что, в частности, «на Кавказе, явно - нарушая формулированные Германским же Правительством условия ультиматума от 21/8/ февраля и не сообразуясь с подлинной волею населения областей Ардагана, Карса и Батума, Германия отторгает в пользу Турции эти области, ни разу не завоеванные турецкими войсками», что расценивалось советской стороной как «откровенный и насильственный территориальный захват важных стратегических пунктов» с одной-единственной целью — «подготовки нового наступления на Россию и защиту капиталистических интересов против Рабочей и Крестьянской революции» — и все это «поддерживается угрозой непосредственного вооруженного натиска со стороны составителей мирного договора»⁷¹.

Одновременно с подписанием Мирного договора между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, и в соответствии с его XI статьей, Россия была вынуждена 3 марта 1918г. подписать в Брест-Литовске с каждым из этих стран дополнительные к нему договоры. В частности, согласно Русско-Турецкому Дополнительному договору /ст. I, II и др./ Россия, помимо сказанного выше, обязывалась в срок от 6 до 8 недель по подписании договора «вывести по ту сторону существовавшей до войны границы все свои силы, ... а также должностных лиц, как гражданских, так и военных»; для охраны границы иметь не более одной ди-

визии, «демобилизовав остальную армию и отправив ее внутрь страны»; не сосредотачивать на своей границе «или на Кавказе» войск более одной дивизии, в том числе в учебных целях; участвовать в «восстановлении [границы] в том виде, как она существовала до русско-турецкой войны 1877-1878 года» и т.д.⁷²

Однако, как свидетельствуют документы того периода, Россия первая нарушила Брестский мир, признавая его несправедливостью, и нарушила буквально на второй же день после ратификации IV Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов /15 марта 1918г./ Брест-Литовского договора и именно в вопросе Армении. Об этом, в частности, свидетельствует циркуляр Наркомнаца РСФСР за N325 от 16 марта 1918г., в котором, в нарушение п.5 Русско-Турецкого Дополнительного договора о роспуске армянских добровольческих дружин, говорилось: «Сим доводится до сведения Революционных штабов, Советов и прочих советских учреждений, что Армянские Революционные организации имеют право свободного формирования армянских добровольческих отрядов». «Упомянутым Советским учреждениям,- указывалось далее в циркуляре, - вменяется в обязанность не чинить препятствий при продвижении этих отрядов, призванных защитить свою Родину от турецко-германских насильников»⁷³. Известно также, что этим формированием оказывалась материальная помощь⁷⁴.

По всей вероятности, уже тогда не исключались также другие возможные варианты отказа Россией от Брестского мира, в частности, - «если Советское Правительство вынуждено будет действиями Германии отказаться от Мирного договора, до или после его ратификации» /нота правительства США от 5 марта 1918г./⁷⁵. В том же году, воспользовавшись ситуацией в Германии, ВЦИК постановлением от 13 ноября аннулировал Брестский мир, одновременно заявив, что «все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся... уступки территорий и областей, объявляются недействительными» и что, в частности, народы «Кавказа... призваны ныне сами решать свою судьбу»⁷⁶. Ранее, нотой от 20 сентября, Россия уже отменила действие договора в части, касающейся Турции⁷⁷.

Впрочем, как было отмечено выше, авторы западных проектов Брестского мира так же сознавали, что их детище носит явно захватнический, антироссийский характер, почему и опасались огласки своих действий.

Из всего сказанного, таким образом, следует, что нельзя считать Брестский мир позором для России, предательством ею интересов населяющих ее народов, в том числе и армянского и т.д., и т.п., ибо ее новые правители не могут нести ответственность за участие России в мировой войне, тем более, что сами были против нее и не ставили целью ни захват чужих земель, ни отдачу своих, в том числе Карса, Ардагана и Батума, которые, пользуясь слабостью России, были захвачены западными державами. Как справедливо отмечал в 1918г. наш великий соотечественник Николайос Адонц, «в таких условиях от России трудно было ожидать искомого разрешения армянской тяжбы»⁷⁸.

В истории, кстати, это не единственный случай «передачи» Турции явно не по воле другой стороны армянских территорий: так было при подписании между буржуазной Арменией и Турцией 4 июня 1918г. и 2 декабря 1920г. соответственно Батумского и Александропольского договоров⁷⁹ и Московского русско-турецкого договора 1921г.⁸⁰ И если мы не вправе винить Армению в подписании, в силу не зависящих от нее обстоятельств, кабального Батумского договора 1918г., «отдающего» Турции большую часть своей территории, то было бы несправедливо при почти аналогичных обстоятельствах винить Россию за подписание Брест-Литовского договора.

ПРИМЕЧАНИЯ

* В основу статьи положен доклад, сделанный на заседании «Круглого стола» Дипломатической академии МИД Российской Федерации 24 декабря 2003г. и опубликованный в кн.: «Современные российско-армянские отношения (к 175-летию Туркманчайского договора)». Материалы «Круглого стола». М.: Дипломатическая академия МИД России. 2004. С. 110-130.

1. В. П. Павлович /Вельтман/. Борьба за Азию и Африку. М., 1924, с.78.

2. Цит. по: Г. А. Аветисян. Брест-Литовск: как были от-

торгнуты Турцией Карс, Ардаган и Батум. Ереван, 1994, с.8.

3. Там же.

4. Цит. по: А. С. Аветян. Германский империализм на Ближнем Востоке: Колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса. М., 1966, с.121-122.

5. См.: Г. А. Аветисян, Э. Л. Даниелян, А. А. Мелконян. История Армении. Ереван, 1999, с.177.

6. П. Рорбах. Война и Германская политика. С предисловием проф. С.А. Котляровского. М., 1915. с. См. также: *Армянский вопрос и геноцид армян в Турции /1913-1919/*. Материалы Политархива МИД Кайзеровской Германии. Составит. и ответств. ред. проф. В. А. Микаелян. Ереван. 1995.

7. *Зареванд*. Турция и пантунанизм. Введение А. Н. Мандельштама. Ереван, 1991, с.105 /Факсимильное издание парижского издания 1930г./.

8. *Геноцид армян: Ответственность Турции и обязательства мирного сообщества*. Документы и комментарий. Составит. и ответств. ред. проф. Ю. Г. Барсегов. Т.1, М., 2002, с.285.

9. Полный текст ст. XIX Договора см.: *Сборник договоров России с другими государствами*. 1956-1917. М., 1952, с.169-170.

10. *Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора*. Сборник документов. Т. 1 /1917-1918/. М., 1968, с.49.

11. Там же, с.82.

12. Там же, с.355. Ср. с п.5 ст. 1 подписанного 3 марта 1918г. Брест-Литовского Русско-Турецкого Дополнительного договора к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией - с другой.

13. *Советско-германские отношения...* с.322, 326-327.

14. *Документы внешней политики СССР*. Т.1, М., 1957, с.11-12.

15. В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т.34, с.232. В соответствии с данным положением правительство РСФСР уже 20 ноября /3декабря/ 1917 г. в своем Обращении к трудящимся мусульманам России и Востока, говоря о признании недействительными секретных договоров о расчленении Турции и «отнятии» у нее Армении, объявило, что «как только прекратятся военные действия, армянам будет обеспечено право свободно определить свою политическую судьбу» /Документы внешней политики... С.35/.

16. *Документы внешней политики...* с.12.
17. *Е. Ф. Лудшувейт.* Турция в годы первой мировой войны 1914-1918гг. М., 1962, с.160.
18. См.: *Г. А. Аветисян.* Брест- Литовск... С.20.
19. *Документы внешней политики...* С. 47-52.
20. *Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии.* Тифлис, 1919, с.11-12.
21. *Документы внешней политики...* С.53-56.
22. Там же, с.53.
23. *Документы и материалы...* С.41.
24. Там же, с.49.
25. Согласно некоторым, заслуживающим внимания источникам, в состав российской делегации на этом этапе переговоров в качестве консультанта по национальным вопросам был включен - также известный армянский поэт Ваан Терян, удостоверение которого было подписано В. И. Лениным 11/24/ января 1918г. /Государственный архив Российской Федерации /ГАРФ/, ф. 130, оп.1, д.52, л.7; оп.2, д.365, л.326/.
26. *Мирные переговоры в Брест-Литовске.* Т.1. Пленарные заседания. Заседания политической комиссии. М., 1920, С. 3,5-6.
27. *Советско-германские отношения ...* С. 359.
28. Там же.
29. *Мирные переговоры ...* С. 6-8.
30. Там же, с.9-11. См. также: *Советско-германские отношения ...* С. 148.
31. Там же.
32. Цит. по: *Г. А. Аветисян.* Брест- Литовск ... С. 23.
33. Центральный архив ГДР (Потсдам), ф. «Имперская канцелярия», д.2426, лл.54-57. Цит. по: *Советско-германские отношения ...* с.УШ.
34. *Мирные переговоры ...* С. 213, 214. См. также: *Советско-германские отношения...* С. 359.
35. *Советско-германские отношения ...* С.Х-ХI
36. *Мирные переговоры ...* С. 28. См. также: *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч. Т.30, с.188; т.31, с.374; т.34. с.232.
37. Российский государственный архив социально-политической истории /РГАСПИ/, ф.2, оп. 1, д.24221. Опубликовано: *Документы внешней политики ...* С.74-75. Подробно по данному вопросу см.: Материалы о Декрете Совета Народных Комиссаров Советской России о «Турецкой Армении» /публ. Д. А. Хуршудяна/ - ж. «Банбер Айастани архивнери» /«Вестник ар-

хивов Армении»/. Ереван, 1981, N2, с.30-44.

38. *Н. Адонц*. Армянский вопрос и германские планы. - ж. «Международная политика и мировое хозяйство» /двухнедельный научный и общественно-политический журнал/. Кн. 4. Пг., 1 мая 1918г., с.6 /перепечатано: - ж. «Вестник общественных наук» НАН РА. 1993, N1, с.138-148. Публикация Г. А. Аветисяна и П. О. Оганесяна/.

39. См.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч. Т.42, с.289-290.

40. Цит. по: *Советско-германские отношения ...* С.ХІ.

41. Цит. по: *Г. А. Аветисян*. Брест- Литовск ... С. 5.

42. Там же, с. 7.

43. Цит. по: *Г. А. Аветисян*. Брест- Литовск ... С. 12-13. См. также: *А. Н. Хейфец*. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918-1920). М., 1964, с. 24; *А. С. Аветян*. Указ. соч., с. 121-122.

44. *Советско-германские отношения ...* С. 82, 117, 142.

45. См. там же, с.156.

46. Там же, с. 198-199.

47. *Л. Д. Троцкий*. Соч. Т.17, ч.1. М.-Л., 1926, с.111. Цит. по: *В. В. Журавлев*. Рубикон Бреста, - ж. «Вопросы истории КПС-С», 1990, N6, с.41.

48. *Советско-германские отношения ...* С.317.

49. См. там же, с. 322, 329.

50. Ж. «Международная политика и мировое хозяйство». Кн. 3 от 15 апреля 1918г., с.69.

51. Там же, кн. 5 от 1 июня 1918г., с.86. «22 февраля» - дата передачи ультиматума советскому курьеру в Уцянах /Советско-германские отношения ... С.341, примечание/.

52. *Б. Э. Нольде*. Политическая карта Брестских договоров. - ж. «Международная политика и мировое хозяйство», кн.2, от 15 марта 1918г., с.7-8.

53. См.: *Г. А. Аветисян*. Брест-Литовск ... С.15.

54. *Советско-германские отношения ...* С.322.

55. Там же, с. 322, 326, 327.

56. Там же, с. 327.

57. Там же, с. 332-333.

58. Там же, с. 338, 342. См. также: *Мирные переговоры ...* С.215.

59. *Мирные переговоры ...* С.215. Согласно ст. XIX Сан-Стефанского договора /1878г./, указанные округа «уступались России взамен суммы тысячи ста миллионов рублей» контрибуции, которые Турция должна была уплатить России как потер-

пешая поражение в войне страна /Сборник договоров ... С.169-170/.

60. РГАСПИ, ф. 558, оп.1, д.125, лл.1-3об. То же: ГАРФ, ф.130, оп.2, д. 501, лл. 21-23.

61. *Документы внешней политики* ... С.121.

62. Там же, с.123.

63. Там же, с.200.

64. *Мирные переговоры* ... С. 56, 59.

65. *Советско-германские отношения* ... С.358-359. *Мирные переговоры*... С.213.

66. *Советско-германские отношения* ... С.359.

67. *Мирные переговоры* ... С. 213, 224.

68. г. «*Столичная молва*» /орган кадетской партии в Москве/. 1918, 2 марта. - Цит. по: г. «*Курьер для Вас*». М., 1991, N6, /май/, с.7.

69. Г. Я. *Сокольников*. Брестский мир. М., 1920, с.6, 16-17.

70. РГАСПИ, ф.5, оп.1. д.2133, лл.59-60. - Цит. по: Н. А. *Иоффе*. Мой отец Адольф Абрамович Иоффе. Воспоминания, документы и материалы. М., 1997, с.58.

71. *Мирные переговоры* . С. 229-230. То же: *Документы внешней политики* ... С.117-118.

72. *Документы внешней политики* ... С. 199-201.

73. РГАСПИ, ф.558, оп.1. д.129, л.1. Впервые данный документ был введен в научный оборот в 1991г. Р. В. *Казанджяном*. /см. «Армянский вопрос. Энциклопедия». Ереван. 1991. С.86; «*Հայկական հարց. Հայրազնիական*». Ереван, 1996, с.90-91, на арм. яз.; г. «*Правда Армении*». Ереван, 1999. 14 мая. С последней публикации документ был перепечатан Г. Г. *Азатяном* в его сборнике «Судьбоносные договора». Ереван, 2000, С.10; то же на арм. яз. - Ереван, 2002, с.17-18.

74. РГАСПИ, ф.17, оп.4., д.5, лл.91-94; д. 152, лл.76-77; д.155, л.190. /Цит. по: В. В. *Аникеев*. Деятельность ЦК РКП/б/ в 1918-1919 годах. Хроника событий. М., 1976, с.370, 371, 390 и др./.

75. *Документы внешней политики* ... С.208.

76. Там же, с. 565-567.

77. Там же, с. 490-492.

78. Н. *Адонц*. Указ. соч., с.3.

79. Тексты упомянутых договоров см. в сб. док.: *Հայաստանի Հանրապետության 1918-1920թթ.* /Республика Армения в 1918-1920гг./ Ереван. 2000, док. NN 21, 358.

80. Подробно о Московском договоре, в свете новых доку-

ментов, см.: Գ. Գալստյան. Հայաստանը և Մեծ տերությունները 1917-1923թթ. Երևան, 1999; Բ. Վ. Կазанджян. К вопросу о датировке Московского русско-турецкого договора 1921г. - ж. «Вестник - общественных наук» Национальной Академии наук РА. Երևան, 1999, N1, с. 83-87; его же. К вопросу об оценке Московского русско-турецкого договора 1921г. - в кн.: Մերձավոր և Միջին Արևելքի նրկրներ և ժողովուրդներ. Вып. XX. Երևան, 2001, с.106-124. См. также труды Г. А. Аветисяна, Э. А. Зограбяна /Ереван/, Н. Ю. Ульченко, А. Н. Хейфеца /Москва/.